

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Готовя второе издание «Русской книги», я вновь будто на-толкнулся на ее название. Выходи она в любой другой стра-не или на любом другом языке, ее название было бы — «Бе-лорусская книга». Ведь ничего собственно русского, кроме языка, в ней нет. Наоборот, она рассказывает только о бело-русах и Беларуси. Но все дело в адресате. В том, что белорусы не станут читать о себе. А зачем? И сколько б ни находи-лось этому объяснений, разговор, в конце концов, сводится к «бередению раны». Не знаем и знать не хотим, нам и так хорошо, пока не болит, болезни как будто и нету. Стоит ли бередить?

Беларусь уникальна среди других стран и народов реги-она своим самоотречением. Наработанная за века нацио-нальная история и культура, язык и памятники — все здесь будто не самоценно, не сберегается и не развивается, а от-рывочно вспоминается для каких-то совершенно мимолет-ных «хозяйственных» нужд. Сказали, например, развивать туризм, вот что-то и вспомнили, какую-то самобытность. А так ни в школах эта самобытность не утверждается, ни в государственной идеологии. Все державное у нас — русское, паразитирующее на всем русском, на чужом здоровье, будто им, чужим, можно заместить собственную болезнь.

Суть этого пародокса — в ментально-языковом противо-стоянии.

И всегда в пустом вагоне электрички белорусы будут са-диться в разных концах, а не подсаживаться друг к другу, как русские. И «благое» дело по-белорусски всегда будет преступлением, а не добродетелью, как по-русски. И по-нятию «правда» по-белорусски всегда будет противостоять понятие «кры́уда», а не так, как по-русски, — «ложь».

Но для того, чтобы сказать вам об этом и чтобы вы меня услышали, я вынужден обращаться к вам по-русски и эту книгу называть «Русской», что имеет смысл только между нами, белорусами, и невозможно ни в какой другой стране, ни на каком другом языке.

Автор